

Авторские комментарии к Истории одного города. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.r
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://saltykov-shchedrin.ru/> Приятного чтения!

Авторские комментарии к "Истории одного города". Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин

{* Пояснения к помещаемым в "Приложении" письмам М. Е. Салтыкова об "Истории одного города" см. в т. 18 наст. изд. - Ред.}

ПИСЬМО М. Е. САЛТЫКОВА В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА "ВЕСТНИК ЕВРОПЫ"

Хотя и не в обычае, чтоб беллетристы вступали в объяснения с своими критиками, но я решаюсь отступить от этого правила, потому что в настоящем случае речь идет не о художественности выполнения, а исключительно о правильности или неправильности тех отношений к жизненным явлениям, которые усмотрены автором напечатанной в "Вестнике Европы" (апрель, 1871) рецензии в недавно изданном мною сочинении "История одного города".

Я отдаю полную справедливость г. Б-ову: рецензия его написана обдуманно, и намерения ее совершенно для меня ясны. Но и за всем тем мне кажется, что в основании его труда лежит несколько очень существенных недоразумений и что он приписал мне такие намерения, которых я никогда не имел. Очень возможное дело, что это произошло вследствие неясности самого сочинения моего, но и в таком случае мое объяснение не может счесться бесполезным, так как критике, намеревающейся выказать несостоятельность автора на почве мирозерцания, все-таки нелишнее знать, в чем это мирозерцание заключается.

Прежде всего, г. рецензент совершенно неправильно приписывает мне намерение написать "историческую сатиру", и этот неправильный взгляд на цели моего сочинения вовлекает его в целый ряд замечаний и выводов, которые нимало до меня не относятся. Так, например, он обличает меня в недостаточном знакомстве с русской историей, обязывает меня хронологией, упрекает в том, что я многое пропустил, не упомянул ни о барах-вольтерьянцах, ни о сенате, в котором не нашлось географической карты России, ни о Пугачеве, ни о других явлениях, твердое перечисление которых делает честь рецензенту, но в то же время не представляет и особенной трудности, при содействии изданий гг. Бартенева и Семевского. К сожалению, издавая "Историю одного города", я совсем не имел в виду исторической сатиры, а потому не видел даже надобности воспользоваться _всеми_ фактами, опубликованными гг. Бартеневым и Семевским. Очень может быть, что я напишу и другой том этой "Истории", но не ручаюсь, что и тогда будет исчерпано все содержание "Русского архива" и "Русской старины". Не "историческую", а совершенно обыкновенную сатиру имел я в виду, сатиру, направленную против тех характеристических черт русской жизни, которые делают ее не вполне удобною. Черты эти суть: благодушие, доведенное до рыхлости, ширина размаха, выражающаяся с одной стороны в непрерывном мордобитии, с другой - в стрельбе из пушек по воробьям, легкомыслие, доведенное до способности не краснеть самым бессовестным образом. В практическом применении эти свойства производят результаты, по моему мнению, весьма дурные, а именно: необеспеченность жизни, произвол, непредусмотрительность, недостаток веры в будущее и т. п. Хотя же я знаю подлинно, что существуют и другие черты, но так как меня специально занимает вопрос, отчего происходят жизненные неудобства, то я и занимаюсь только теми явлениями, которые служат к разъяснению этого вопроса. Явления эти существовали не только в XVIII веке, но существуют и теперь, и вот единственная причина, почему я нашел возможным привлечь XVIII век. Если б этого не было, если б господство упомянутых выше явлений кончилось с XVIII веком, то я положительно освободил бы себя от труда полемизировать с миром уже отжившим, и смею уверить моего почтенного рецензента, что даже и на будущее время сенат, не имеющий исправной карты России, никогда не войдет в число элементов для моих этюдов, тогда как такой, например, факт, как распоряжение о писании слова "государство" вместо слова "отечество", войти в это число может. Сверх того, историческая форма рассказа представляла мне некоторые удобства, равно как и форма рассказа от лица архивариуса. Но, в сущности, я никогда не стеснялся формой и пользовался ею лишь настолько, насколько находил это нужным; в одном месте говорил от лица архивариуса, в другом - от своего собственного; в одном - придерживался указаний истории, в другом - говорил о таких фактах, которых в данную минуту совсем не было. И мне кажется, что в виду тех целей, которые я преследую, такое свободное отношение к форме вполне позволительно.

вторские комментарии к Истории одного города. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin. r
Сочетав насильственно "Историю одного города" с подлинной историей России, рецензент совершенно логически переходит к упреку в бесцельном глумлении над народом, как непосредственно в собственном его лице, так и посредственно в лице его градоначальников. "Органчик" его возмущает, "Сказание о шести градоначальницах" он просто называет "вздором". Очевидно, что он твердо встал на историческую почву и совершенно забыл, что иносказательный смысл тоже имеет право гражданственности. Что в XVIII веке не было ни "Органчика", ни "шести градоначальниц" – это несомненно; но недоразумение рецензента тем не менее происходит только от того, что я употребил не те слова, которые, по мнению его, надлежало употребить. Если б, вместо слова "Органчик", было поставлено слово "Дурак", то рецензент, наверное, не нашел бы ничего неестественного; если б, вместо шести дней, я заставил бы своих градоначальниц измываться над Глуповом шестьдесят лет, он не написал бы, что это вздор (кстати: если б я действительно писал сатиру на XVIII век, то, конечно, ограничился бы "Сказанием о шести градоначальницах"). Но зачем же понимать так буквально? Ведь не в том дело, что у Брудастого в голове оказался органчик, наигрывавший романсы: "Не потерплю!" и "Раззорю!", а в том, что есть люди, которых все существование исчерпывается этими двумя романсами. Есть такие люди или нет?

Затем, приступая к обличению меня в глумлении над народом непосредственно, мой рецензент высказывает несколько теплых слов, свидетельствующих о его личном сочувствии народу. Я верю этому сочувствию и радуюсь ему; но думаю, что я собственно не подал никакого повода для его выражения. Посмотрим, однако ж, на чем зиждутся обличения рецензента.

Во-первых, ему кажутся совершенным вздором (кстати: слово "вздор", как критическое мерило, представляется мне совершенным вздором) названия головотяпов, моржеедов и проч., которые фигурируют у меня в главе "О корени происхождения". Не спорю, может быть, это и вздор, но утверждаю, что ни одно из этих названий не вымышлено мною, и ссылаюсь в этом случае на Даля, Сахарова и других любителей русской народности. Они засвидетельствуют, что этот "вздор" сочинен самим народом, я же, с своей стороны, рассуждал так: если подобные названия существуют в народном представлении, то я, конечно, имею полнейшее право воспользоваться ими и допустить их в мою книгу. Если, например, о пошехонцах сложилось в народе поверье, что они в трех соснах заблудились, то я имею вполне законное основание заключать, что они действительно когда-нибудь совершили нечто подходящее к этому подвигу. Не буквально, конечно, а в том же смысле.

Во-вторых, рецензенту не нравится, что я заставляю глуповцев слишком пассивно переносить лежащий на них гнет. На этот упрек я могу ответить лишь ссылкой на стр. 155–158 {Стр. 370–373 наст. тома.} "Истории", где, по моему мнению, явление это объясняется довольно удовлетворительно. Я, впрочем, не спорю, что можно найти в истории и примеры уклонения от этой пассивности, но на это я могу только повторить, что г. рецензент совершенно напрасно видит в моем сочинении опыт исторической сатиры. Притом же, для меня важны не подробности, а общие результаты; общий же результат, по моему мнению, заключается в пассивности, и я буду держаться этого мнения, доколе г. Б-ов не докажет мне противного.

В-третьих, рецензенту кажется возмутительным, что я заставляю глуповцев жиреть, наедаться до отвала и даже бросать хлеб свиньям. Но ведь и этого не следует понимать буквально. Все это, быть может, грубо, аляповато, топорно, но тем не менее несомненно – иносказательно. Когда глуповцы жиреют? – в то время, когда над ними стоят градоначальники простодушные. Следовательно, по смыслу иносказания, при известных условиях жизни, простодушие не вредит, а приносит пользу. Может быть, я и не прав, но в таком случае во сто крат неправее меня действительность, связавшая с представлением о распорядительности представление о всяческих муштрованиях. Что глуповцы никогда не наедались до отвала – это верно; но это точно так же верно, как и то, что рязанцы, например, никогда мешком солнца не ловили.

Вообще, недоразумение относительно глумления над народом, как кажется, происходит от того, что рецензент мой не отличает народа исторического, то есть действующего на поприще истории, от народа как воплощения идеи демократизма. Первый оценивается и приобретает сочувствие по мере дел своих. Если он производит Бородавкиных и Угрюм-Бурчеевых, то о сочувствии не может быть речи; если он вызывает стремление выйти из состояния бессознательности, тогда сочувствие к нему является вполне законным, но мера этого сочувствия все-таки

вторские комментарии к Истории одного города. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.r обусловливается мерою усилий, делаемых народом на пути к сознательности. Что же касается до "народа" в смысле второго определения, то этому народу нельзя не сочувствовать уже по тому одному, что в нем заключается начало и конец всякой индивидуальной деятельности. О каком же "народе" идет речь в "Истории одного города"?

Обличив меня в глумлении над народом, г. рецензент объясняет и причину этого глумления. Эта причина – недостаток "юмора". Юмор же рецензент определяет следующим образом: он, "не жертвуя малым великому, великое низводит до малого, а малое возвышает до великого"; следовательно, главные элементы этого явления суть: великодушие, доброта и сострадание. Если это определение верно, то мне действительно остается признать себя виноватым. Но я положительно утверждаю, что оно неверно и что искусство, точно так же как и наука, оценивает жизненные явления единственно по их внутренней стоимости, без всякого участия великодушия или сострадания. Если б это было не так, то произошло бы нечто изумительное. Во-первых, люди не знали бы, что в написанной художником картине действительно верно и что смягчено, или скрыто, или прибавлено под влиянием великодушия. Во-вторых, тогда пришлось бы простирать руки не только подначальным глуповцам, но и Прыщам и Угрюм-Бурчеевым, всем говорить (как это советует мне рецензент): "придите ко мне все труждающиеся и обремененные", потому что ведь тут все обременены историей: и начальники и подначальные.

Но этого мало, что я нахожу упомянутое выше определение юмора неправильным и бессодержательным, – я вижу в нем _глумление_. По моему мнению, разделение жизненных явлений на великие и малые, _низведение_ великих до малых, _возвышение_ малых до великих – вот истинное глумление над жизнью, несмотря на то что картина, по наружности, выходит очень трогательная. Тут идет речь уже не о временно-великих или о временно-малых, но о консолидировании сих величин навсегда, ибо иначе не будет "юмора".

М. Салтыков

ПИСЬМО М. Е. САЛТЫКОВА К А. Н. ПЫПИНУ

[2 апреля 1871 г., Петербург]

Многоуважаемый Александр Николаевич.

Так как мне известно близкое участие, принимаемое Вами в редактировании "Вестника Европы", то я полагаю, что рецензия "Истории одного города", помещенная в апрельской книжке этого журнала, попала туда не без Вашего одобрения. А как я всегда дорожил Вашими взглядами на дела рук моих, то считаю нелишним обратить благосклонное Ваше внимание на некоторые недоразумения, закравшиеся во мне при чтении означенной статьи.

1. Статья названа критическою. Но так как в ней прежде всего замечается отсутствие каких бы то ни было общих положений, то она имеет скорее характер рецензии. Но для того, чтобы написать рецензию столь обширных размеров, автор вынужден был заменить общие положения частными замечаниями, и обилие таковых сообщило статье характер подьяческий.

2. Взгляд рецензента на мое сочинение, как на опыт исторической сатиры, совершенно неверен. Мне нет никакого дела до истории, и я имею в виду лишь настоящее. Историческая форма рассказа была для меня удобна потому, что позволяла мне свободнее обращаться к известным явлениям жизни. Может быть, я и ошибаюсь, но во всяком случае ошибаюсь совершенно искренно, что те же самые основы жизни, которые существовали в XVIII в., – существуют и теперь. Следовательно, "историческая" сатира вовсе не была для меня целью, а только формою. Конечно, для простого читателя не трудно ошибиться и принять исторический прием за чистую монету, но критик должен быть прозорлив и не только сам угадать, но и другим внушить, что Парамоша совсем не Магницкий только, но вместе с тем и граф Д. А. Толстой. И даже не граф Д. А. Толстой, а все вообще люди известной партии, и ныне не утратившей своей силы.

3. Рассказ от имени архивариуса я тоже веду лишь для большего удобства и дорожу этой формою лишь настолько, насколько она дает мне больше свободы. Вообще я выработал себе такое убеждение, что никакою формою стесняться не следует, и заметил, что в сатире это не только не безобразно, но иногда даже не

вторские комментарии к Истории одного города. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.r
безэффектно. А рецензент упрекает меня, что я сделал это в пику Шубинскому и
другим подобным историкам. Но что же такое Шубинский? По моему мнению, это
своего рода тип, или, говоря гончаровским словом, это "вещественное выражение
невещественных отношений". Шубинский – это человек, роющийся в говне и серьезно
принимающий его за золото. Шубинский – это тип, положим, крайний, но никто не
мешает и возвеличить его, то есть возвести в квадрат и в куб – все же будет
Шубинский.

4. "Да не подумают читатели, говорит рецензент, что мы желаем сравнивать Гоголя
с г. Салтыковым". Эта фраза очень ядовитая и показывает в рецензенте бывалого и
ловкого человека. Но вместе с тем не есть ли она выражение того "смеха ради
смеха", в котором, между прочим, рецензент обвиняет меня? И в какой степени этот
прием приличен относительно писателя, не без пользы действующего в литературе
больше двадцати лет?

5. Упрек в "смехе ради смеха" вышел в первый раз от Писарева и имел источником
личное его враждебное ко мне чувство. С тех пор всякий, кто на меня рассердится,
поднимает эту штуку, и так как эта штука дешевая, то танцевать на ней можно
сколь угодно. Если б мне было доказано, что я предаю осмеянию явления
почтенные или не стоящие внимания, я, наверное, прекратил бы деятельность столь
идиотскую. Представителем смеха для смеха может быть назван рецензент,
голословно обвиняющий в смехе для смеха, да еще с чужих слов, ради того только,
что тут есть смешное сочетание слов. Сей человек, действительно, уподобляется
гоголевскому мичману, которому достаточно было показать палец, чтоб возбудить
смех. Я же, благодаря моему создателю, могу каждое свое сочинение объяснить,
против чего они направлены, и доказать, что они именно направлены против тех
проявлений произвола и дикости, которые каждому честному человеку претят. Так,
например, градоначальник с фаршированной головой означает не человека с
фаршированной головой, но именно градоначальника, распоряжающегося судьбами
многих тысяч людей. Это даже и не смех, а трагическое положение. Гулящие девки,
которые друг у друга отнимают бразды правления, тоже едва ли смех возбуждают, то
есть могут возбуждать его лишь в гоголевском мичмане, сделавшемся критиком.
Изображая жизнь, находящуюся под игом безумия, я рассчитывал на возбуждение в
читателе горького чувства, а отнюдь не веселонравия. Достиг ли я этого
результата – это вопрос иной, но утверждать, что я имел в виду одну пустую
забаву – это может только критик-мичман.

6. Против обвинения, что я представил картину неполную, обошел многие элементы,
весьма важные и характеристичные, я могу ответить афоризмом Кузьмы Пруткова:
"необъятного не обнимешь". Впрочем, ведь я не закаялся писать и второй том
"Истории". Для меня хронология не представляет стеснений, ибо, как я уже
объяснил выше, я совсем не историю предаю осмеянию, а известный порядок вещей.

Наконец, 7. Рецензент обвиняет меня в глумлении над народом и с некоторою даже
гадливостью (вот-то опрятный человек!) отзывается о статье: "О корени
происхождения", где поименовываются головотяпы, моржееды и другие племена в этом
роде. Как подлинный историк, Вы, Александр Николаевич, должны быть знакомы с
Далем и с Сахаровым. Обратитесь к ним, и увидите, что это племена мною не
выдуманные, но суть названия, присвоенные жителям городов Российской империи.
Головотяпы – егорьевцы, гужееды – новгородцы и т. д. Если уж сам народ так себя
честит, то тем более права имеет на это сатирик. Затем, что касается до моего
отношения к народу, то мне кажется, что в слове "народ" надо отличать два
понятия: народ исторический и народ, представляющий собою идею демократизма.
Первому, выносящему на своих плечах Бородавковых, Бурчеевых и т. п., я
действительно сочувствовать не могу. Второму я всегда сочувствовал, и все мои
сочинения полны этим сочувствием. Я в первый раз слышу подобный упрек, и, к
счастью, слышу от гоголевского мичмана. Не думайте, многоуважаемый Александр
Николаевич, что настоящее письмо внушено мне разнузданностью самолюбия. Я
просто, по чувствам, мною к Вам питаемым, желал объяснить, что точка зрения, на
которой стоит Ваш журнал относительно меня, не совсем справедлива.

Весь Ваш

М. Салтыков.

Письмо сие частное и тиснению не подлежит.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

вторские комментарии к Истории одного города. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин saltykov-shchedrin.ru
<http://saltykov-shchedrin.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!